

Заключение

Материал и внешняя референция литературы – язык; дискурсивное пространство – это пространство высказываний. Художественное высказывание есть деятельность, суть которой в *проблематизации языка*, вовлеченного в некую систему высказываний. В художественном высказывании язык открывается как чистая виртуальность, множественность и открытость смыслов, как «метаязык» (Ж. Делез), и если дискурс как социальный механизм стремится к преодолению полисемии в целях достижения успешной коммуникации, то язык полисемию не только не преодолевает, но конституирует самой своей организацией. Таким образом, дискурсивные миры, с которыми имеет дело художественное высказывание, соотносятся в нем с возможностями языка, с запечатленной в его системе историей человеческого сознания и неисчерпаемостью его потенциала в производстве смыслов.

Поэтический дискурс как индивидуальный тип дискурса концентрируется на особых художественных формах познания мира путем конструирования возможных ментальных миров и развития способов видения и интерпретации объективного мира. Модус существования поэтического дискурса обеспечивается *интенсивной работой со смысловым потенциалом языка как гибкой семиотической системы и трансформациями языковых знаков, направляемыми двумя основными дискурсивными функциями – поэтической и метаязыковой*.

Свобода субъекта в использовании того или иного языкового знака в поэтическом дискурсе формирует особую форму коммуникации: он, как и прочие типы дискурсов, направлен на установление *диалогических отношений*, реализация которых, однако, зависит от определенных усилий адресата восстановить единое смысловое поле с адресантом – автором. В то время как в институциональных дискурсах коммуникация направлена на минимизацию затрат на установление понимания между участниками, в поэтическом дискурсе диалог усложнен не только потому, что это, в основном, дистантная форма коммуникации, но и потому, что цель поэтического дискурса – не копировать объективную реальность, преобразуя ее в языковые знаки, а передавать возможные способы видения данной реальности, создавать и комбинировать новые смыслы. Дистантный диалог в поэтическом дискурсе становится возможным при концентрации на поэтическом тексте – центральном дискурсивном звене – сохраняющем следы собственного порождения и аккумулирующем дискурсивные механизмы, которые направляют и регулируют процесс познания, в той или иной степени помогая преодолеть смысловую непроницаемость текста. Само существование поэтического дискурса связано с продуцированием и рецепцией сложных смыслов, функционирование герметичного дискурса концентрируется, с одной стороны,

на индивидуальном творческом процессе исследования семантических возможностей слов и их взаимосвязей, с другой стороны, на включении реципиента в обратный процесс декодирования смысла.

Особое внимание во второй половине XX века привлекает новая природа художественного текста – *нелинейная, ризоматическая*: в тексте осуществляется *множественность смыслов* за счет пространственной многолинейности означающих, из которых он соткан, что определяет особенности функционирования дискурса. В его основе лежит *подвижный семиозис*, т.е. отношения между сигнификантом и сигнификатом не фиксированы: ослабляются и мутируют связи означающего с означаемым, образуются сложные комбинации означающих и т.д. Подвижный семиозис приводит к высвобождению смысловой энергии, ее подвижности, и, таким образом, к *смысловой энтропии* – потенциальной невозможности формулирования конечного состояния смысла. Подвижный семиозис, неуловимость смысла, обращение к его глубинным пластам формируют поэтический герметизм.

Герметизм, или смысловая неопределенность, является качественной характеристикой поэтического дискурса и порождается особой операциональностью языковых знаков, производной от предназначения поэтической практики. Он имеет семиотико-языковую природу и осуществляется благодаря целенаправленному использованию и развитию языковых механизмов и процессов. Представляя собой текст небольшого объема, стихотворение тяготеет к образованию множественных смыслов, причем процесс смыслопорождения не есть процесс линейный: приращение смысла происходит в процессе постепенного движения к концу текста и неизменного сопоставления и выявления связей между различными частями и сегментами текста. Особая функциональная нагрузка ложится при этом на характер нарушения узуального использования языковых единиц и установления новых связей между ними, поскольку именно эти процессы регулируют смыслопорождение в поэтическом тексте.

Современные немецкоязычный и русскоязычный поэтические дискурсы характеризуются трансформациями ведущих функций – метаязыковой и поэтической, их взаимодополняемостью и часто невозможностью их разграничения. В них происходит концентрация на собственно языковых знаках, потенциале их трансформации, вследствие чего возрастает количество смыслопорождающих элементов, апеллирующих друг к другу.

Визуализация языкового знака (представление в тексте – путем привлечения геометрических фигур, использования пустого пространства и проч. – лексического значения слова, его ложной или истинной этимологии, взаимосвязи прямого и переносного значений и т.д.) сопровождается выходом в иные семиотические пространства (двух- и трехмерное пространства поверхности, объема и т.д.), которые, однако, играют второстепенную роль, позволяя знаку стать собственным референтом, обнаружить собственную предметность и смысловой объем. Обретая собственную форму и *смысло-*

вую осязаемость, знак, помимо основной референциальной функции, концентрируется на собственных метаязыковых измерениях, текстуальная актуализация которых способна привести к умножению смысловых уровней текста. В поэтическом дискурсе восприятие конвенциональных языковых знаков *деавтоматизируется*.

Любая трансформация языкового знака может обрести дополнительную семантическую нагрузку в поэтическом тексте. Среди наиболее частотных языковых механизмов реализации смысловой неопределенности мы выделили следующие: нарушение орфографии («уравнивание» фонетической и графической формы представления знака, обновление орфографии), отказ от прописных букв, расширение семантического потенциала знаков пунктуации, а также полный отказ от них, нарушение дистрибутивных и грамматических связей в синтагматических последовательностях, генитивные цепочки и сегментация частей слова и, напротив, нивелирование границ между частями синтагмы и концентрация на смысловом потенциале сложных окказиональных слов. Особый статус в условиях смещения дейктических модусов в поэтическом тексте сохраняют знаки субъекта: сами знаки и субъектные позиции релятивируются, а поэтический субъект перестает быть центральной текстовой инстанцией.

Проблема смысловой неопределенности в большой степени связана с разработкой индивидуальных художественных концептов в конкретных авторских дискурсах, с релятивизацией и трансформацией содержания общепринятых понятий и культурных оппозиций, с обращением к реалиям искусства и культуры (в случае, когда продукт одной семиотической системы кодируется средствами иной системы и т.д.), а также к историко-литературным контекстам (в случае неявных интертекстуальных связей, отказа от указания источника цитаты и проч.).

Разнообразные механизмы смысловой неопределенности вступают в процессе порождения поэтических смыслов в отношения симбиоза, комплементарности, либо, напротив, функционируют в условиях контрастности и противоречия формам друг друга. Упомянутые нами языковые средства формирования смысловой неопределенности вовлечены в рамках поэтического текста в синхронную «работу», формируя смысловой резонанс, и лишь в их взаимодействии становится возможным порождение разнообразных сложных поэтических смыслов.

К 70-м гг. XX века герметизм уходит с европейской литературной сцены как литературное направление, но смысловая неопределенность остается в современном поэтическом дискурсе, маркируя особый процесс смыслопорождения и принимая разнообразные формы – от неуловимого намека и неразрешимой двусмысленности до нонсенса и тайнописи.